

Новосерий

Ташкент

Гуманитарные науки,
кн. 8.

В. С. Батраков

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ В ПЕРИОД КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

В период Кокандского ханства, т. е. в течение первых трех четвертей XIX в., Ферганская долина представляла собой яркий образец характерного для доколониального периода истории Востока сосуществования оседло-земледельческого и кочевого скотоводческого хозяйства, обособленных друг от друга в пространстве, но связанных между собой общественным разделением труда и взаимным обменом. К Ферганской долине, совмещавшей на своей разнообразной в природном отношении территории оседлое и кочевое хозяйство, полностью относились слова Маркса, сказанные им в одном из писем Энгельсу по поводу Аравии: «У всех восточных племен можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части»¹.

Это накладывало определенную печать своеобразия на развитие сельского хозяйства Ферганской долины и прежде всего на процесс формирования Ферганского земледельческого оазиса, который начал складываться еще в древности, хотя, повидимому, значительно позднее других земледельческих оазисов Средней Азии. Одним из наиболее существенных доказательств этого является тот факт, что этот оазис окончательно сформировался лишь в первой половине XIX века, т. е. лишь в период Кокандского ханства, когда Фергана впервые за всю свою историю стала центром довольно значительного феодального государства. Известно, что только в такие периоды истории Востока, когда возникали более или менее крупные государства, создавались и наиболее крупные ирригационные сооружения. Подобные сооружения были совершенно непосильны для мелких феодальных владений; к тому же узко-местные интересы их и беспрерывные войны друг с другом являлись непреодолимым препятствием к осуществлению сколько-нибудь значительных оросительных мероприятий².

Так было и в Ферганае. Характерной особенностью Ферганы являлось то, что здесь вплоть до XIX в. не было единого оазиса. Вследствие

господствовавшей прежде политической раздробленности, Фергана долго состояла из ряда отдельных оазисов; каждый из них орошался водой особой горной речки, являющейся притоком р. Сыр-Дарьи, посредством небольших каналов, расходящихся веером от места выхода ее из гор. Отдельные оазисы подобного рода были, как правило, экономически и политически изолированы друг от друга, составляя территорию особого феодального владения, во главе которого стоял феодал-бэй, глава какого-нибудь узбекского племени. Первоначально наиболее крупные оазисы подобного рода располагались в западной части Ферганской долины, которая ранее других ее частей была освоена в земледельческом отношении и имела более многочисленное население. Ведущее значение среди них получил со временем наиболее обширный и густонаселенный Сохский оазис, центром которого в XVIII в. являлся г. Коканд, столица будущего ханства.

Ввиду экономического превосходства Сохского оазиса над остальными оазисами Ферганы, кокандские феодальные владельцы, в лице бей-племен мийг, являлись и в политическом отношении наиболее сильными среди других феодалов Ферганы. Именно поэтому они и выступили в качестве объединителей Ферганы, подчинив в течение второй половины XVIII в. все остальные более слабые феодальные владения, расположенные на территории Ферганской долины. Объединение Ферганы под властью феодалов племени мийг было завершено к концу XVIII в., а в начале XIX в. было создано Кокандское ханство, просуществовавшее до 1876 года, когда Фергана была присоединена к России.

С возникновением Кокандского ханства и объединением Ферганской долины в единое политическое целое, в ней впервые за всю историю было развернуто строительство ряда крупных каналов, при помощи которых использовались воды основных магистралей долины — рр. Нарына и Кара-Дарьи. Эти каналы предназначались как для подпитывания уже существовавших ирригационных систем, так и для орошения новых земель, которые находились вне сферы командования прежних систем и не использовались для земледелия. Только с этого времени Ферганский оазис превратился в единое целое, слился в почти сплошное кольцо культурных земель, окружающих центральную пустынную часть долины.

Необходимость этого ирригационного строительства, имеющего целью использование водных ресурсов основных речных магистралей Ферганской долины, была вызвана усилением ее земледельческой колонизации в течение XVII и XVIII вв., в процессе которой были полностью исчерпаны водные ресурсы их притоков, орошающих старые оазисы долины. Чтобы составить себе некоторое представление об этом завершающем этапе земледельческого освоения старых оазисов Ферганы, необходимо кратко остановиться на предыдущей истории их освоения.

Археологические исследования обнаруживают следы древнейшего земледелия в Фергане, восходящие ко II тысячелетию до н. э. Но первоначальные очаги земледелия были сравнительно небольшими по своим масштабам и располагались преимущественно в предгорьях восточной части Ферганской долины, т. е. на рубеже между важнейшими летними пастбищами на склонах и в ущельях Ферганского хребта, а также в долинах Чаткала и Алая, и зимними пастбищами в равнинной части Ферганской долины.

Широкое освоение в земледельческом отношении равнинных частей Ферганы, однако, началось после IV в. до н. э. и производилось оно преимущественно переселенцами из земледельческих районов Согды и лишь

отчасти оседавшими кочевниками-саками, а затем усунями и кушанами. Возможно, первоначальным толчком этих переселений являлись завоевания Кира и Александра Македонского, сопровождавшиеся усилением гнета и жестокими репрессиями против свободолюбивых согдийцев, не желавших безропотно подчиняться иноземным завоевателям и неоднократно восстававших.

Совершенно естественно, что переселенцы-согдийцы предпочитали прежде всего селиться поблизости от своей прежней родины, т. е. в западной части Ферганской долины, которую они со временем и освоили почти полностью, оставляя для новых колонистов мало возможностей для поселения. Этим только и можно объяснить тот факт, что таджикское население, проникавшее главным образом от переселившихся сюда древних согдийцев, а частично от осевших родственных с ними по языку кочевников саков, усуней и кушан, преобладает здесь и в настоящее время.

По мере освоения западной части Ферганской долины, колонисты-согдийцы устремлялись далее к востоку, освоив сначала Сохский оазис, а затем и оазисы средней части долины, находившиеся как на южном берегу р. Сыр-Дарья, так и на северном, на территории современной Наманганской области. Но процесс колонизации этих оазисов переселенцами-согдийцами и оседавшими кочевниками родственных им племен далеко еще не был завершен, а, быть может, находился еще в самом начале, когда с востока стала двигаться навстречу новая волна колонистов, из числа представителей тюркоязычных племен, переходивших на оседлость. Эти последние могли появиться в Фергане и выделить кадры оседающих еще в VI в. н. э., когда Фергана и вся Средняя Азия были завоеваны тюркским каганатом, или даже еще ранее. Но особенно интенсивным процессом оседания тюрков-кочевников на территории Средней Азии и в частности Ферганы, как известно, становится лишь с X—XI вв. с образованием государства Караханидов и завоеванием им Средней Азии.

Стремясь прежде всего обосноваться в уже освоенных их предшественниками согдийцами оазисах, оседавшие кочевники-тюрки предпочитали селиться раньше всего в Сохском оазисе, а затем в оазисах средней части долины, где в то время имелись еще большие неиспользованные резервы воды и земли, которую можно было оросить и освоить под земледелие. В силу того, что здесь их предшественники согдийцы заложили лишь основы ирригации и земледельческой культуры, оседавшие тюрки смогли обосноваться в большем количестве и со временем составили большинство населения. Это создало условия для постепенного процесса отуречивания таджиков, столь характерного для этих частей Ферганской долины, где узбекское население характеризуется смешанным этническим типом.

Отуречивание таджиков не могло произойти лишь в тех районах, где к моменту появления тюрков таджики составляли большинство населения, в силу чего они сами ассимилировали то немногочисленное тюркское население, которое смогло там обосноваться, используя лишь остатки оросительной воды. То же самое имело место в тех одиночных кишлаках, которые были разбросаны на территории Сохского оазиса, оазисов средней части долины, но главным образом в горных ущельях, в которых по характеру местных условий недостаток оросительной воды или земли позволял поселиться лишь небольшому числу оседавших тюрков.

Что же касается восточной части долины, то туда волна колонистов-таджиков либо вовсе не дошла, либо этих колонистов туда попало сравнительно немного. Поэтому оседло-земледельческое население этой части

Оседавшие тюрки

Оседавшие тюрки

Ферганы было уже почти чисто тюркское, которое в основном и освоило эти районы, постепенно переходя на оседлость. Подтверждением этого может служить указание султана Бабура о том, что население г. Андижана и, повидимому, всего Андижанского оазиса в начале XVI в. составляли тюрки¹.

К началу XVI в. процесс земледельческого освоения как Сохского оазиса, так и всех других, расположенных от него к востоку, был еще далеко не завершен, и поэтому в них оставался еще значительный резерв оросительной воды. В освоении этих неиспользованных водо-земельных резервов старых оазисов Ферганы поэтому сыграли большую роль кочевники-узбеки, которые вскоре после их переселения в Фергану стали оседать там большими массами. Этот процесс оседания переселившихся в XVI в. кочевников-узбеков происходил по всей Средней Азии, однако не везде он происходил одинаково быстро, что зависело от ряда местных условий. Характерной особенностью Ферганы, отличающей ее от других районов Узбекистана, являлся сравнительно быстрый и массовый процесс оседания появившихся здесь кочевников-узбеков.

Это явление можно объяснить только тем, что все территории, удобные для ведения кочевого или полукочевого хозяйства, были к моменту прихода кочевников-узбеков в Фергану заняты и прочно освоены кочевыми народами, обосновавшимися здесь раньше. Так, удобные для скотоводства предгорные и горные районы в южной, восточной и северо-восточной частях Ферганской долины были заняты киргизами, в северо-восточной, северной и отчасти в северо-восточной — кипчаками, в южной — тюрками. Киргизы и кипчаки кочевали также на равнинных степных территориях, расположенных в восточной части долины у предгорий Ферганского хребта, которые тогда еще не были орошены и освоены в земледельческом отношении. Эти степи в те времена представляли собой обширные весенне-осенние пастбища, территории которых пересекались рядом таких горных речек, как Араван, Ак-Бура, Майли-сай. Эти речки тогда несомненно доходили до р. Кара-Дарья и в своих нижних частях были покрыты тугайными зарослями, служившими прекрасным местом зимовок кочевников киргизов и кипчаков.

Что же касается остальных удобных для кочевников-скотоводов мест во внутренней части долины, например, у некоторых адыров, а также вокруг центральной пустынной ее части, представлявшей тогда обширное зимнее пастбище, то здесь также обосновались отдельные гнезда скотоводов арабов и кипчаков, а впоследствии каракалпаков.

Анализ топонимики в равнинной части Ферганской долины приводит к выводу, что первоначально оседавшие кочевники-узбеки селились в существующих уже оазисах и селениях; но когда земельные и водные ресурсы этих последних были исчерпаны, они селились в неосвоенных промежутках этих оазисов, сооружая для их орошения новые ирригационные каналы и давая им свои племенные названия. Те же из них, которые оседали после всех, селились на периферии оазисов и в том числе на хвостах ирригационных каналов, создавая там кишлаки, которые, как правило, носили также узбекские племенные названия, что свидетельствует о том, что они целиком были созданы оседавшими кочевниками-узбеками. Доказательств такого порядка колонизации старых оазисов Ферганы оседавшими кочевниками-узбеками можно найти сколько угодно, если проследить размещение каналов и кишлаков с такими узбекскими племенны-

ми наименованиями, как Пайман, Кенегес, Джалаир, Каттаган, Маңгыт, Марка-Юз и другие на территории Сохского оазиса и оазисов, расположенных к востоку от него.

Приведенные выше факты позволяют сделать ряд важных для истории Узбекистана выводов. Первый вывод заключается в том, что хотя кочевники-узбеки явились в Фергану в качестве завоевателей, но они вели себя на ее территории совсем иначе, чем те воинственные завоеватели, какими обычно представляют себе всех без разбора кочевников буржуазные ученые. Поскольку дело касалось не феодально-аристократической верхушки узбекских племен, захватившей власть в завоеванной стране и чинившей в ней произвол и насилия, а масс простого трудящегося народа, то они вели себя после завоевания в значительной части скорее как мирные колонисты-переселенцы, озабоченные тем, чтобы найти свободные места для своего поселения, по возможности не затрагивая интересов своих предшественников. Так поступили кочевники-узбеки с другими кочевниками-кипчаками и киргизами, оставив их на прежних кочевьях, хотя для этого им самим пришлось отказаться от кочевого хозяйства и перейти к земледельческой оседлости. Будучи вынуждены осесть, они точно также поступили и с ранее их осевшим населением, используя лишь те возможности для поселения, которые остались на их долю.

Второй вывод заключается в том, что кочевники различных тюркоязычных племен, как пришедших в Фергану до XVI в., так и после этого, не только не явились сюда в роли разрушителей земледельческой культуры, но и сами сыграли в дальнейшем развитии этой культуры большую роль, продолжив и завершив дело, начатое раньше древними согдийцами и их потомками таджиками.

Все сказанное выше в одинаковой мере относится не только к Ферганской долине, но также ко всем древним оазисам Средней Азии, история ирригации и земледельческого освоения которых свидетельствует о том, что их земледельческая культура обязана своим развитием совместному созидательному труду таджикского и узбекского народов.

Что же касается Ферганы, то из сказанного выше явствует, что здесь историческая роль узбекского народа была особенно велика; ему принадлежит главная роль в создании и развитии Ферганского земледельческого оазиса, являющегося важнейшим оазисом Средней Азии, так как согдийцы, а затем таджики оросили своими собственными усилиями лишь часть Ферганской долины.

История земледельческого освоения всей Средней Азии и особенно Ферганской долины самым убедительным образом опровергает расистские буржуазные взгляды о том, что кочевники вообще и узбеки в частности, якобы бы самой природе кочевого хозяйства, всегда и всюду были чужды и враждебны земледельческой культуре и являлись в оазисы Средней Азии лишь в качестве ее разрушителей.

Эти особенности многократных завоеваний Средней Азии со стороны тюркоязычных народностей не прошли мимо наиболее осведомленных историков. Так, например, В. В. Бартольд, стоявший на обычных буржуазных позициях по вопросу об отношениях между кочевыми и оседлыми народами, говоря о завоевании Средней Азии тюрками еще в X—XI вв., вынужден был признать, что «завоевание страны турками не остановило естественного процесса культурной эволюции»⁴. То же самое он говорит и о завоевании Средней Азии в XVI в. кочевниками-узбеками. По его словам, «узбеками, как показывают произведенные при узбекских ханах

традиционные оросительные работы, не были нарушены старые культурные традиции»⁵.

К подобному же выводу пришел и А. Н. Бернштам в результате многолетних и обстоятельных исследований ранних периодов истории кочевых тюркоязычных народностей и анализа хозяйственных и культурных связей их с оседло-земледельческими районами Средней Азии. По его словам, «Кочевники отнюдь не всегда были враждебно настроены по отношению к оседлым оазисам, далеко не так часто являлись чуждым элементом в государствах оседлой полосы. С господством кочевников не следует всегда и везде связывать только упадок культуры»⁶.

Есть все основания предполагать, что уже в XVII и в первой половине XVIII вв. процесс оседания кочевников-узбеков в Ферганской долине завершился. Столь давний переход кочевников-узбеков Ферганы к оседлости находит себе подтверждение также в том факте, что они уже давно утратили и предали забвению свои племенные и родовые деления, которые сохранились лишь в топонимике, в названиях некоторых каналов и кишлаков. Между тем их собратья, переселившиеся в одно время с ними в Самаркандскую, Кашка-Дарьинскую и Сурхан-Дарьинскую области Узбекистана и нашедшие там значительно более удобные для скотоводческого хозяйства условия, никем до них не занятые обширные предгорные и степные районы с хорошими пастбищами, — сохранили кочевой и полукочевой характер хозяйства, племенные и родовые деления вплоть до недавнего времени.

Кочевники-турки, оседая большими массами в Ферганском оазисе и деятельно участвуя в его развитии и процветании, однако не забрасывали вовсе кочевое хозяйство. Определенная часть их на протяжении всей предшествующей истории сохраняла скотоводческое хозяйство и не пользовалась окружающие оазисы предгорные и горные пастбища для выпасывания и пагула многочисленных стад скота, преимущественно мясного, которым они снабжали население оазиса в обмен на продукты земледелия и ремесленной промышленности, чем избавляли его от необходимости самому заниматься в обширных масштабах мясным животноводством.

Кочевое хозяйство периферии Ферганского оазиса отнюдь не могло являться и не являлось антагонистом сельского хозяйства оазиса, а служило дополнением последнего, будучи составной частью его сельского хозяйства. Это последнее здесь, как и всюду в странах Востока, разделялось на различные и противоположные, но отнюдь не исключаящие, а дополняющие друг друга части, кочевую скотоводческую и оседлую земледельческую, единство которых базировалось на общественном разделении труда.

Буржуазная историческая наука обычно замалчивает совместные усилия по созданию оросительной сети и земледельческой культуры Средней Азии таджикского и узбекского народов. Она предпочитает выдвигать на первый план столкновения между ними, не останавливаясь при этом перед явной фальсификацией фактов. Таким образом, например, в дореволюционной буржуазной литературе пропагандировалась точка зрения о том, что таджики будто бы были вытеснены кочевниками-узбеками из равнины в горы, чем якобы и объясняется современное расселение тажиков преимущественно в горных районах. Между тем, факты, которые мы изложили выше, наистро опровергают этот вздорный и вредный взгляд, способный не укреплять исторически сложившуюся дружбу между наро-

дами Советского Востока, и ослаблять ее. Не подтверждается этот ошибочный взгляд и историческими источниками, на что указывает такой авторитетный знаток истории Средней Азии, как А. Ю. Якубовский⁷.

Задачей марксистско-ленинской науки и прежде всего истории народного хозяйства Узбекистана и других республик Средней Азии, является последовательное разоблачение и опровержение глубоко укоренившихся и распространяющихся до сих пор взглядов буржуазной науки по вопросу о взаимоотношениях различных народов Средней Азии в прошлом.

Исследование истории общественного производства, которая является основой исторической науки, даст и сможет дать еще более обильный и убедительный фактический материал для этой цели. Особо важную роль должно сыграть изучение истории орошения и развития оседлого поливного земледелия в его взаимной связи с богарным земледелием и кочевым скотоводством, так как именно история развития этих отраслей, основанного как на кооперации, так и на разделении труда кочевых и оседлых народов Средней Азии, прежде всего и ярче всего вскрывает исторические корни той дружбы между ее народами, которая после Великой Октябрьской социалистической революции неизмеримо окрепла и усилилась, представляя собой в настоящее время одну из наиболее прочных основ силы и могущества Советского Союза.

В связи с завершением оседания кочевников-узбеков, во второй половине XVIII в. земледельческая колонизация Ферганы уже лишь частично осуществлялась за счет оседания кочевников, причем только из числа кипчаков и киргизов; в основном же она шла в этот период за счет пришлого оседлого населения. Большую роль при этом играла иммиграция из других оседлых районов, например, из Кашигара, завоеванного в 1758 г. Китаем, вследствие чего значительное число уйгур переселилось в Фергану. Большое число переселенцев дал также Зеравшанский оазис, переживавший в этот период сильнейшее опустошение, вызванное ожесточенными феодальными войнами, которыми сопровождалась борьба за усиление власти эмира в Бухарском ханстве.

Но главные массы земледельцев-колонистов давала сама Фергана, старые оазисы которой давно страдали от маловодья и малоземелья. Усилившееся обеднение дехканства выталкивало все большее количество безземельных и малоземельных дехкан, из числа которых вербовалась преобладающая часть колонистов, добровольно или по принуждению селившиеся на вновь орошаемых землях.

Земледельческая колонизация Ферганы в этот период направлялась преимущественно в ее восточную часть, где имелось больше всего неиспользованных земель и оставались еще значительные резервы оросительной воды в таких речках, как Исфайрам, Араван, Майли-сай, Ак-бура, Кассан-сай и др. Но уже в конце XVIII в. и в начале XIX в. резервы этих речек были также использованы, а начиная с 20-х гг. XIX в. недостаток воды в них стал уже угрожающим, что и вызвало к жизни новое ирригационное строительство.

Раньше всего иссякли ресурсы рр. Чартак-сай, Падша-сай и Кассан-сай, вследствие чего население г. Намангана в начале XIX в. вынуждено было пить летом-затхлую воду прудов⁸. Для ликвидации этого маловодья было предпринято строительство канала Янги-арык.

Канал Янги-арык был построен за время с 1819 по 1822 гг. и являл-

ся в истории Ферганы первым крупнейшим для своего времени ирригационным сооружением, использующим непосредственно воду р. Нарына. Первоначально этот канал предназначался для подпитывания ирригационных систем Кассан-сая, Чартак-сая и Падша-сая и давал очень мало воды. В течение последующих 10 лет он расширялся и углублялся, что дало возможность превратить всю южную часть Наманганского вилайета, ранее не орошавшуюся, в культурный оазис и послужило предпосылкой роста самого города Намангана, который только с этого времени начинает играть более или менее заметную роль в ханстве⁹.

То же самое имело место в последующие десятилетия в других оазисах Ферганы. Так, воды р. Ак-буры, орошавшей во время Бабура Андижанский оазис¹⁰, в неблагоприятное время года стало еле доставать даже для того, чтобы оросить поля, расположенные у г. Оша. Об этом свидетельствует тот факт, что г. Ош получил специальную ханскую грамоту, которой ему предоставлялось право в маловодные периоды потреблять всю воду р. Ак-буры, отчего нижележащие кишлаки бедствовали без воды¹¹. Повидимому, еще ранее подобное же положение создавалось на рр. Исфайраме и Араване.

Так возникла настоятельная необходимость выведения канала непосредственно из р. Кашка-Дарьи, чтобы усилить питание ирригационных систем названных рек и прежде всего Ак-буры и Аравана. Эта задача была разрешена строительством большого канала Шаарихан-сай, головное сооружение которого было устроено у выхода из гор р. Кара-Дарьи. Трасса Шаарихан-сая показывает, до каких мест во время его строительства доходила вода старых ирригационных систем, для подпитывания которых он предназначался. В дальнейшем этот канал был продлен далее, частично подкрепив систему р. Исфайрама.

Однако скоро орошение новых земель водами Шаарихан-сая в районе, расположенном между его трассой и г. Андижаном, привело к исчерпанию его водных ресурсов, и Андижанский оазис снова стал страдать от безводья. Потребовалось сооружение нового канала Андижан-сая, выведенного из Шаарихан-сая недалеко от его начала, для чего был увеличен водозабор в канал Шаарихан-сай.

К сожалению, до сих пор остается невыясненным время строительства этих двух важнейших ирригационных каналов того времени. По некоторым косвенным данным можно предположить, что они были построены в 30—40-х гг. XIX в.

Несмотря на то, что оба эти канала являлись для своего времени весьма крупными ирригационными сооружениями, орошавшими десятки тысяч гектаров новых земель, уже к 60-м годам XIX столетия район, расположенный к северу от Андижана, стал снова страдать от безводья. В связи с этим обстоятельством, а также в связи с необходимостью освоить пустующие земли в этом районе, что требовалось финансовыми интересами ханства, возникла необходимость строительства нового канала Удунгар, которое было начато при последнем хане Худояре в 1868 г. и продолжалось до момента присоединения Ферганы к России. Этот канал первоначально намечалось довести до Яз-Явана, но в 1875 г. он не был закончен и наполовину.

Строительство каналов, особенно больших, производившееся по распоряжению хана или хакимов, зачастую приводило к ряду неудач и срывов. Так, канал Шаарихан-сай, как и Янги-арык, вначале давал мало воды¹². Прimitивное головное сооружение Шаарихан-сая, почти ежегодно сносимое паводками р. Кара-Дарьи, требовало огромных затрат тру-

да, материалов и средств и составляло предмет забот администрации еще долго после присоединения Ферганы к России¹⁴.

История строительства канала Улунгар, описанная Миттендорфом, также обнаруживает весьма неприглядную картину ирригационного строительства, освоения новых земель и эксплуатации оросительной сети в этот период. Из-за неудачного выбора трассы, канал Улунгар во время его строительства в нескольких местах прорывался в пересекающие его овраги и русла рек, в результате чего поспешно населенные в его низовьях ханом Худояром кишлаки остались без воды, а население их разбежалось. Этому содействовало также то, что население большого количества кишлаков, возникших по его верхнему и среднему течению, самовольно захватывало воду, поступающую по этому каналу, используя ее для расширения посевов риса¹⁵.

То же самое имело место и на других каналах. Самовольные посе-
вы риса создавали неразбериху в водопользовании и приводили к истощению запасов оросительной воды в новых каналах. Так, в 1877 г. с. Шаарихан, относившееся тогда к Маргеланскому уезду, осталось без воды, так как в Андизанском уезде, где расширялись посевы риса, вся вода из Шаарихан-сай стала разбираться на их орошение. Это вызвало бурные протесты жителей с. Шаарихан. Положение было настолько угрожающим, что потребовалось вмешательство военного губернатора Ферганской области, приказавшего закрыть все каналы, орошавшие рисовые поля, чтобы пропустить воду в с. Шаарихан¹⁶.

Стихия господствовала также и в таком важном деле, как организация сбросов излишней оросительной воды, которая направлялась само-
теком и заболачивала ряд вновь осваиваемых территорий¹⁶.

Созданная в период трех четвертей века существования Кокандско-
го ханства довольно обширная новая ирригационная сеть была далека от завершения и имела весьма примитивный характер¹⁷. Что же касается последнего ирригационного сооружения ханства — канала Худоярхан, — то его строительство вовсе было прекращено, так как неудачный выбор трассы сделал невозможным продолжение строительных работ, которые приводили лишь к гибели дехкан, принимавших в них участие; общее число погибших под обвалами на трассе канала достигло 188 человек¹⁸.

Строительство указанных выше ирригационных каналов сопровож-
далось неслыханной эксплуатацией дехканства Ферганы, так как осуещ-
ствлялось посредством принудительных работ, являвшихся особой азиат-
ской разновидностью феодальной ренты трудом, специфической государ-
ственной барщиной, широко применявшейся в странах Востока. На строи-
тельство таких каналов принудительно сгонялись со всей Ферганы де-
сятки тысяч дехкан, обязанных являться со своим инвентарем и питаться за свой счет¹⁹. По свидетельству Наливкина, впоследствии кокандские ханы предпочитали налагать на население особую денежную повинность, за счет которой занимались рабочие. Однако переход к этой системе об-
яснялся не столько интересами дела, сколько возможностью для ханской администрации присваивать часть собираемых таким путем денежных средств населения²⁰.

Ханами практиковалось принудительное заселение вновь орошаемых земель особенно в нижних частях каналов, подвергавшихся риску перио-
дической нехватки воды, куда, повидимому, добровольно переселенцы не шли. Это подтверждается историей заселения низовой части канала Улу-
гар, где население ряда кишлаков было поселено Худояр-ханом прину-
дительно, но впоследствии покинуло их из-за нехватки воды²¹.

Заселение новых земель производилось также путем привлечения желающих, которых было немало среди малоземельного и безземельного населения старых оазисов. Поселенцы получали в новых местах большие земельные наделы на условиях платежа в казну обычных натуральных и денежных налогов — рент, взимаемых с держателей государственных (амляковых) земель, и поэтому считали выгодным переселение на вновь орошенные земли.

Строительство новых ирригационных каналов велось не только на государственных землях по распоряжению хана или его хакимов. Оно велось также отдельными феодалами на пожалованных им землях, которые они должны были орошать сами. Орошение этих земель также ничего не стоило их владельцам, так как всегда находилось достаточное количество желающих принять участие в ирригационных работах на условии получения земельных наделов, даже если эти наделы были обременены большими феодальными повинностями, чем наделы на государственных землях.

Так, например, в 50-х гг. XIX в. известным временщиком Мусульманкулом для орошения пожалованных ему земель был построен канал силами добровольно привлеченных дехкан, которым были обещаны земельные наделы на условиях полной аренды. Несмотря на более тяжелые условия эксплуатации, охотников и здесь набралось более чем достаточно²².

Используя острую земельную нужду дехкан, правящая верхушка Кокандского ханства расширяла поле феодальной эксплуатации. Это делалось путем строительства новых ирригационных каналов, которые сооружались безземельным и малоземельным дехканством Ферганы собственными руками и за собственный счет. Орошая новые земли в Фергане и заселяя их, дехкане своим трудом вызвали к жизни новые производительные силы, оживляли и осваивали новые районы, но все это только для того, чтобы умножить феодально-зависимое население и тем самым увеличить доходы феодальной ханской казны и отдельных феодалов.

Земледельческая колонизация Ферганы, имевшая место в эпоху Кокандского ханства, происходила в основном за счет освоения земель кочевых населения и оттеснения его в горы.

Земли восточной части Ферганы, орошенные каналами Янги-арык, Шаарихан-сай, Андижан-сай, Улунгар и др., принадлежали прежде в значительной своей части кочевникам-киргизам и кипчакам, использовавшим их преимущественно как пастбища. После орошения этих земель они лишь отчасти осваивались самими кочевниками, часть которых оседала, используя в качестве мест оседлости главным образом занятые ими зимовья и непосредственно примыкавшую к ним территорию весенне-осенних пастбищ. Только так можно понять происхождение земледельческой оседлости киргиз, живущих на территории Аимского, Кургантепинского, Джаялкудукского и Мархаматского районов Андижанской области, и кипчаков, живущих на территории Нарынского района Наманганской области, Избаскентского и соседних с ним районов Андижанской области.

Однако преобладающая часть вновь орошенной территории, которая не могла быть земледельчески освоена самими оседающими кочевниками, заселялась пришлым из старых оазисов земледельческим населением, переселявшимся на новые места добровольно или по принуждению ханской администрации.

Колонизация этих районов пришлым оседлым населением произво-

длалась зачастую посредством скупки земель кочевого населения. Этим путем отдельные оседлые поселения, основанные на землях, принадлежащих кочевому населению, возникали и ранее. Так, В. И. Юфревым, при обследовании в 1909 году четырех кишлаков в Андижанском уезде, был, на основании рассказов стариков, установлен факт возникновения кишлака Заурак Хаккентской волости около 200 лет до момента этого обследования, т. е. в начале XVIII века, на земле, которая была продана богатым киргизом Байбиче-Зауром припавшим земледельцам-колонистам, частью местным андижанским, частью выходцам из Кангара, которые и основали этот кишлак²³.

Скупка земель кочевого населения переселенцами из оседлых районов Ферганской долины продолжалась и в последующее время, во второй половине XVIII и в первой половине XIX вв. Но в этот период таким путем осваивались более восточные части Ферганы, которые к тому времени были уже орошены.

Так, например, Анимская волость Андижанского уезда была прежде населена исключительно кочевниками-киргизами. Со временем они стали вытесняться оттуда, так как их земли начали скупать оседлые жители долины, которые завели на этих землях обширные посевы риса²⁴.

Земледельческая колонизация Анимской волости была, несомненно, связана с постройкой канала Шаарихан-сая, а затем Андижан-сая, которые в своей верхней части изобиловали водой, чем и пользовались первые переселенцы для посевов риса, являющегося одной из наиболее доходных культур того времени. Выгодность земледелия в этом районе еще более увеличивалась от того, что на покупку земель у разорявшейся кочевой бедноты не приходилось тратить слишком много средств, так как эти земли продавались за бесценок.

То же самое происходило и в Наманганском уезде, где также вновь орошенные степные земли в преобладающей своей части принадлежали кочевникам-киргизам. По словам В. Наливкина, недалеко было то время, когда почти все земли Наманганского уезда принадлежали киргизам, главным образом, из племени багын. Отдельные участки киргизских земель еще при Наливкине сохранялись всего в 4—5 верстах от г. Намангана. Но со временем почти все эти земли перешли в руки оседлых земледельцев долины, которые скупали их, уплачивая беднякам киргизам подчас сущую безделицу. Передко земли эти переходили в руки новых владельцев за долги, в которые запутывались разоряющиеся скотоводы-кочевники²⁵.

Факты говорят о том, что орошение и колонизация земель в восточной части Ферганской долины приводили, с одной стороны, к усиленно процессу оседания кочевников и полукочевников киргизов и кипчаков, а с другой, — к вытеснению той их части, которая не перешла к оседлости, из равнинной части долины в предгорную и горную.

Подобная картина имела место повсюду в Средней Азии в течение всего длительного периода земледельческого освоения ее основных оазисов. Таким образом, в действительности происходил совершенно обратный процесс, по сравнению с тем, который рисуют буржуазные ученые. В действительности не кочевники оттесняли земледельческое население в горы, а, наоборот, развивавшаяся в течение веков земледельческая культура медленно и постепенно оттесняла кочевников из равнинной части все дальше и дальше в предгорья и горы.

В равнинной части Ферганской долины вся ранее свободная пастбищная территория постепенно была распахана и освоена под земледелие.

лие. Для животноводства оставалось все меньше и меньше просторов. Это служило причиной того, что дальнейшее развитие животноводства в долине происходило уже замедленными темпами и могло удовлетворять потребности возросшего земледельческого и городского населения все в меньшей степени.

Вследствие этих причин усиливались хозяйственные связи с кочевой периферией, откуда стало пригоняться в Ферганскую долину все большее количество мясного скота. В свою очередь, оседлые районы Ферганы стали увеличивать сбыт в кочевых районах продуктов земледелия и изделий своей ремесленной промышленности, что доставляло немалый доход кокандскому купечеству и казне ханов, облагавших купцов закятom.

Все это служило одной из причин агрессивной политики кокандских ханов, направленной на подчинение соседних кочевых районов. Кокандские ханы начали завоевание этих районов сразу же после подчинения ими всей Ферганы и продолжали его вплоть до 30-40-х гг. XIX в. Первоначально был завоеван Ташкентский оазис, а затем ряд примыкавших к нему и непосредственно к Фергана кочевых районов. В конечном счете к Кокандскому ханству были присоединены обширные территории среднего и нижнего течения р. Сыр-Дарья, северные предгорья Тянь-Шаня, вплоть до р. Или, и почти вся территория Западного и Центрального Тянь-Шаня, а также Алайская долина и часть Памира. Таким образом, в рамках одного государства оказались насильственно объединены как Ферганский и Чирчик-Ангренский земледельческие оазисы, так и примыкающие и тяготеющие к ним кочевые скотоводческие районы, населенные казахами и киргизами.

Присоединение к владениям Кокандского ханства обширной территории соседних кочевых районов, в свою очередь, привело к дальнейшему развитию хозяйственных связей с ними. В глубине кочевых районов, подвластных Коканду, возник ряд крепостей, которые одновременно играли роль военных форпостов и торговых факторий. Продавая в кочевых районах изделия городской ремесленной промышленности и некоторые продукты земледелия, купечество Кокандского ханства усиливало закупку у кочевого населения продуктов скотоводства и скота, приток которого в Фергану со временем все увеличивался.

Это усиление торговых связей между оседло-земледельческими и кочевыми скотоводческими районами ханства не могло не отразиться на хозяйственном развитии тех и других, усиливая общественное разделение труда между ними. Вследствие притока большого количества скота на рынки Ферганы, ее сельское хозяйство превращается во все более и более одностороннее земледельческое. Но тем самым оно становится все более зависимым от кочевого скотоводства, поставляющего недостающий ему мясной скот.

Выгоды подобного переключения населения оазисов преимущественно на земледелие были настолько очевидны, что оно предпочитало его даже в тех случаях, когда имело все возможности для развития собственного животноводства. В таком, например, положении был в начале XIX в. Ташкентский оазис, о котором Поспелов сделал следующее любопытное заключение: «Скотоводство хотя бы и могло быть тамошними жителями по удобности мест около реки Чирчика произведено, однако они находят для себя выгоднее упражняться в земледелии и рукоделиях, и на сии уже выменивают сколько нужно скота более от киргизов»²⁶.

Еще более очевидно выгода этого одностороннего земледельческого развития сельского хозяйства проявлялась в условиях основного земле-

дельческого района Кокандского ханства, каким являлась Ферганская долина с ее густым населением и малоземельем.

Ирригационное строительство и земледельческое освоение значительного количества новых земель, ранее пустовавших, или использовавшихся лишь в качестве пастбищ, а также усиление хозяйственных связей с кочевой периферией, привели к первой половине XIX в. к некоторому подъему сельского хозяйства Ферганы, который отмечался рядом русских путешественников и раньше всех первым из этих путешественников, Ф. Назаровым, посетившим Фергану в 1813—14 гг.

Как на характерную особенность Ферганы того времени, Назаров указывает на довольно значительное развитие хлопководства и шелководства. «Коканд и все Кокандское государство изобильно хлопчатой бумагой и шелковичными деревьями; везде видишь засеянные хлопчатой бумагой поля, из коей кокандцы готовят ткани и меняют оную бухарцам на русские товары; как-то: на железо, выдры, сандал, купорос, канцелярное сено, заморские коты, сталь, сукно и тому подобное»²⁷.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Назаров, перечисляя отрасли сельского хозяйства, совершенно не упоминает о скотоводстве. Повидимому, уже тогда у оседлого земледельческого населения Ферганы скотоводство не имело сколько-нибудь существенного значения.

Этим вызывалась оживленная торговля городов восточной части Ферганы с соседями — кочевниками киргизами. Рассказывая об Андижанском оазисе, Назаров пишет: «Андижан граничит с Кашкарнею, окружен селениями, изобилует всякими фруктами; жители занимаются разведением шелковичных червей, выделкою бумажных материй и хлебопашеством; имеют торговлю с кочующими поблизости дикими черными каменными киргизами, от коих получают всякого рода скот»²⁸.

То же самое говорили и последующие путешественники.

По сообщению хорунжего Потанина, сопровождавшего в 1830 году кокандское посольство, возвращавшееся из Петербурга, занятие жителей Ферганской долины состояло в хлебопашестве, садоводстве, разведении шелковичных червей и хлопчатой бумаги. По словам Потанина, «Это последнее занятие производится здесь с большим искусством, нежели в Ташкенте, и поэтому материи, выделяемые в Коканде, превосходнее ташкентских»²⁹. Как указывает Потанин, земледелие в Фергане велось преимущественно на поливных землях и стояло на довольно высоком уровне. Это же подтверждали сибирские казаки Милютин и Батырышкин, бывшие в плену в Кокандском ханстве двадцать лет спустя. Мокшеев приводит следующие показания этих лиц: «Пшеница, ячмень, просо и другие роды хлеба и овощей родятся в Кокании с поливного весьма хорошо. Хлопчатая бумага разводится с успехом. Жители городов занимаются сверх того шелководством и разведением винограда и разных фруктовых деревьев. Лугов в Кокании мы не видели. Для корма скота сеют траву..., которую собирают 3,4 и 5 раз в году»³⁰.

Хлопководство в Фергане этого периода велось в довольно значительных размерах. По свидетельству одного анонимного источника, относящегося к 1842 г., «Возделывание хлопчатой бумаги занимает в Кокании множество рук и служит одним из главнейших источников народного богатства. Местное потребление (хлопка; — В. Б.) весьма велико. Выделка грубых бумажных тканей также всеобща там, как выделка холста в наших русских селениях»³¹.

О значительном развитии хлопководства свидетельствует также приводимое В. Вельяминовым-Зерновым сообщение о том, что уже тогда

Фергана привлекала к себе сезонных рабочих из других соседних с нею районов, используемых на поденные работы. По его словам, «Поденщиками обыкновенно являются каратегинцы, которые отличаются крепостью тела, трудолюбием и ограниченными потребностями. Люди эти обыкновенно на один или два года выходят из своих гор и, заработав плату, возвращаются к семьям»³².

Однако размер площади, занятой хлопчатником и другими культурами, ни один из источников не указывает, и поэтому судить об истинных масштабах земледелия вообще и хлопководства в частности не представляется возможным. Имеются лишь данные, на основании которых можно заключить, что Кокандское ханство в первой половине XIX в. по торговле хлопком с Россией значительно отставало от других ханств Средней Азии. В конце 40-х годов из Бухары вывозилось в Россию до 25—30 тыс. пудов хлопка, из Хивы — до 15 тыс. пудов, а из Ташкента и Ферганы не более 5 тысяч³³.

В следующем десятилетии сохранилось почти такое же соотношение. В период 1850—1853 гг. в Россию вывозилось из Бухары 25,2 тыс. пудов, из Хивы — 25,7 тыс. пудов и только 7,7 тыс. пудов из Ташкента и Ферганы.³⁴

Хлопок, получаемый Россией из Средней Азии, в то время делился на три разряда: кокандский с коротким волокном, длиною с полвершка, бухарский с средней длины волокном и, наконец, хивинский с волокном в вершок, хотя и несколько более грубого качества, чем бухарский³⁵. В. В. Бартольд также указывает, что даже в более поздний период после присоединения Средней Азии к России из местных сортов хлопка ташкентский и кокандский ставились ниже бухарского и хивинского³⁶. Вследствие этого спрос на Ферганский хлопок со стороны России был невелик, а поэтому и экономических стимулов для развития хлопководства в Фергане в период Кокандского ханства и в первое время после ее присоединения к России было меньше, чем в других районах Средней Азии.

Эти данные свидетельствуют о том, что хлопководство Ферганской долины в период Кокандского ханства в качественном, а возможно и в количественном отношении являлось более отсталым, чем хлопководство других ханств Средней Азии. Удельный вес его в сельском хозяйстве был еще очень небольшой. По расчетам В. И. Юферева, оно давало не более 5—7% общей суммы поступлений от полевого хозяйства и то без учета льнопроизводства, садоводства и виноградарства.

Как видно из описаний различных путешественников, основой земледелия Ферганской долины в первой половине XIX в. являлась культура зерновых продовольственных хлебов и, главным образом, пшеницы. Кроме пшеницы видную роль играла культура риса, которая занимала около четверти всей посевной площади и давала около 40% общего валового дохода от полевого хозяйства³⁷.

Джугара, повидимому, занимала следующее по удельному весу место. Хотя, по мнению В. Вельяминова-Зернова, в Ферганской долине того времени джугары сеялись меньше, чем в других районах Средней Азии, однако это мнение вряд ли является основательным. Имеются данные, говорящие о том, что в некоторых районах Ферганы джугара занимала среди других культур выдающееся положение, если не играла доминирующую роль. Косвенным доказательством этого является любопытный факт, отмеченный в одном из источников. Так, например, натуральный налог — херадж, собираемый с посевов различного рода зерновых культур и составлявший определенную долю урожая (официально 1/5, а в

действительности большую), составил по области Уш 12 тысяч чариков, в том числе 10 тысяч чариков джугары, 1 тысячу чариков пшеницы и 1 тысячу чариков ячменя³⁸. Эти данные позволяют сделать вывод, что и в остальных районах Ферганы удельный вес джугары был весьма значительным.

Ячмень занимал четвертое место среди других зерновых культур, но в общем его значение было невелико.

Несмотря на ярко выраженное зерновое направление земледелия, степень использования земельного фонда была уже довольно велика. На это обратил внимание еще Потанин, который указывал, что жители Ферганской долины «скота имеют немного, потому что большую часть луговых мест употребляют под пашню». Бывшие в Фергане через двадцать лет после Потанина Милютин и Батырышкин отмечали уже факт почти полного отсутствия естественных лугов и наличие посевов кормовых трав.

Однако основная масса ферганского дехканства владела, повидимому, настолько малыми земельными участками, что сеять кормовые травы в сколько-нибудь значительных размерах большинство дехкан уже не могло. Поэтому приходилось ограничиваться содержанием минимума скота или вообще обходиться без него. Это накладывало отпечаток и на самый характер животноводства оседлых районов Ферганы, которое уже тогда было весьма ограничено по своим масштабам. Как свидетельствует «Обозрение Кокандского ханства», «Местное положение Коканин не позволяет иметь обширное животноводство. Поселяне содержат небольшое число рогатого скота для полевых работ и для молока и масла, которые во всеобщем употреблении. Лошадей в Коканин гораздо более, хотя жители не разводят их табунами, подобно киргизам».

Из-за недостатка пастбищ животноводство земледельческих районов Ферганской долины сокращалось все более, что приводило к еще большей, чем прежде, зависимости их от районов кочевых в отношении снабжения мясным скотом. Говоря о жителях земледельческих районов Кокандского ханства и о их нужде в пригоне мясного скота со стороны, Потанин указывает, что они «скотоводства большого не имеют, но довольствуются скотом, пригоняемым из киргизских степей торговцами».

Вследствие усиления этой зависимости, животноводство оседлых районов не только сокращалось, но и становилось более односторонним, так как дехканство земледельческих районов преимущественно разводило рабочий и молочный скот. Поэтому на кочевую периферию и падала задача снабжать земледельческие оазисы мясным скотом, разведением которого преимущественно занималось кочевое население.

Основным и излюбленным видом мясного скота в Средней Азии издревле являлась курдючная овца, мясо которой всегда предпочиталось говяжьему и ценилось значительно дороже последнего. В «Обозрении Кокандского ханства» говорится следующее: «Большое число баранов пригоняется в Коканию, где они, вместе с сарацинским пшеном, составляют главнейшую пищу как богатых, так и бедных». Более подробные сведения об этом имеются у В. Вельяминова-Зернова, который пишет: «Баранов коканин почти не держат; но скот этот пригоняется в огромном количестве кайсаками Большой и Средней орд в Ташкент, откуда он расходуется по всему ханству. Бараны дешевы, самая высокая цена за штуку 7 рублей, а самая низкая 4 р. 70 к. ассигнациями, т. е. от 1 р. 34 к. до 2 руб. серебром. По данным того же автора, фунт говяжьего мяса стоил

7 коп. ассигнациями, а фунт бараньего — 11 коп., т. е. на 45 проц. дороже.

По свидетельству того же автора, пуд пшеницы в тот период стоил в Фергане от 20 до 29 коп. серебром, пуд проса 11 коп., а пуд джугары от 18 до 20 коп. Таким образом, за одного барана можно было приобрести от 6 до 7 пудов пшеницы, вместо 2,5—3 пудов, как это было в то время в приграничных районах Сибири.³⁹

При подобном соотношении цен на баранов по сравнению с ценами на хлеб, в соседних с Ферганой и вообще в тяготевших к ней кочевых районах существовали весьма благоприятные условия для преимущественного развития овцеводства. И если Красовский, выражая мнение самих кочевников-казахов, считал экономически более выгодным для казахов, живших близ Сибирской пограничной линии, заниматься овцеводством и питаться покупным хлебом, нежели производить его самим, ценою сокращения овцеводства, то в районах, расположенных по соседству с Ферганской долиной, экономическая выгода овцеводства была еще более очевидной. Этот экономический фактор оказал сильное влияние на дальнейшее развитие животноводства в тяготевших к Фергане районах. Еще в XVI—XVII вв. кочевое хозяйство киргизов и казахов базировалось преимущественно на коневодстве. Лошади являлись наиболее приспособленным к условиям средневекового кочевых хозяйства видом скота, обеспечивающим необходимую подвижность, имеющую важное значение при господстве феодального способа производства с его беспрерывными войнами и длительными перекочевками. Поэтому именно коневодство играло роль ведущей, отрасли, обеспечивающей кочевое население не только транспортными средствами, но также необходимыми продуктами питания в виде излюбленных кочевниками лошадиного мяса и кумыза. По словам казахского хана Касима (начало XVI в.), приводимым Мухаммедом Хайдером, «главное богатство наше состоит в лошадях; мясо и кожа их служат нам лучшей пищей и одеждою, а приятнейший напиток для нас молоко и то, что из него готовится».⁴⁰

С XVIII же века в районах, тяготевших к Фергане, под влиянием указанного выше фактора кочевое население начало постепенно переключаться на овцеводство, которое уже в первой половине XIX в. превращается в ведущую отрасль кочевых хозяйств. То же самое происходило в тех районах Казахстана, которые тяготели к России, предъявлявшей все более усиливающий спрос на баранов в качестве сырья для возникшей в приграничных районах и быстро растущей салотопенной промышленности.

Сказанное выше дает возможности понять причины, обуславливающие различную степень развития собственного земледелия в отдельных кочевых районах. История свидетельствует о том, что кочевые народы никогда не были чужды ни земледелию, ни ремесленной промышленности. Но эти отрасли развивались в сколько-нибудь значительных размерах только в тех кочевых районах, которые были отдалены от земледельческих оазисов и поэтому не могли удовлетворять полностью свои потребности в продуктах земледелия и ремесла путем обмена, а именно в таких районах, как нижнее течение р. Сыр-Дарьи, долина р. Арыса и его притоков, северные предгорья Тянь-Шаня, долины Центрального Тянь-Шаня.⁴¹

В эти отдаленные районы из продуктов земледелия привозились из Ферганы преимущественно сухофрукты и отчасти рис. Главной же статьей вывоза являлись промышленные изделия, в особенности хлопчатоб-

1. Выходит из Ферганы в кочевые
и т. д.

бумажные ткани и предметы одежды. Большое значение торговли этими товарами с кочевниками для Ферганского оазиса можно видеть из следующего свидетельства «Обозрения Кокандского ханства»: «Этими (грубыми бумажными В. Б.) тканями одевает Кокания не только низший класс своих собственных жителей, но передает их в обильном количестве киргизам, кочующим на восток и на север от ее пределов. Рон торговцев ежегодно расселяются по степям, отделяющим Коканию от России и Китая и променивают стеганные бумажные халаты, одеяла и разных родов ткани на скот, кожи, сало и меха».

Однако кочевые районы, расположенные в самой Ферганской долине, т. е. в непосредственном соседстве с ее обширным сельскохозяйственным оазисом, производящим в изобилии дешевый хлеб и потребляющим большое количество мясного скота, приобретавшегося у кочевников по относительно высоким ценам, были связаны с оазисом еще более тесно. Помимо перечисленных выше продуктов земледелия и хлопчатобумажных изделий, эти районы приобретали также хлеб, который для здешних кочевников выгоднее было получать в обмен на скот, нежели производить самим. Поэтому собственным земледелием в этих районах занимались, как и вблизи Сибирской пограничной линии, только те из кочевников, которые не имели скота или имели его недостаточное количество и поэтому были вынуждены обратиться к земледелию как к единственному для них источнику существования.

Вследствие этого в первой половине XIX в. собственное земледелие у кочевого населения самой Ферганской долины было развито весьма слабо; оно играло еще такую незначительную роль в его экономике, что о нем нет ни одного упоминания у приводимых выше авторов, описывавших сельское хозяйство Ферганы в этот период. Упоминание о нем имеется только у авторов, которые описывают Фергану в последний период существования Кокандского ханства, когда оно вступило в полосу экономического и политического упадка, характеризовавшегося ухудшением положения трудящихся масс, усилением классовой и национальной борьбы.

Экономический упадок, характерный для Кокандского ханства в период 1850—1875 гг., нашел свое отражение и в сельском хозяйстве, которое было описано А. Ф. Миддендорфом значительно более подробно, чем указанными выше путешественниками. Миддендорф посетил Фергану в 1878 г., т. е. через три года после ее присоединения к России, когда ее сельское хозяйство продолжало еще сохранять все основные черты, унаследованные от прошлого. Поэтому мы можем с полным основанием использовать его исследования для характеристики сельского хозяйства Ферганы в последний период существования Кокандского ханства. Дополнением к исследованиям Миддендорфа являются работы его современника В. Паливкина, который много времени прожил в самой Фергане и поэтому смог сделать ряд верных наблюдений хозяйства и быта ее населения.

Судя по характеристике, данной Миддендорфом, в последний период истории Кокандского ханства земледелие Ферганской долины продолжало сохранять прежний характер; как и ранее, преобладающее место занимали зерновые продовольственные культуры. Однако в структуре зерновых посевов произошли некоторые изменения. Так, например, Миддендорф, внимательно знакомясь с земледелием, поразившим его своей необычайной для него оригинальностью, пришел к весьма любопытному заключению, что в самой долине, т. е. на территории собственно земле-

дельческого оазиса, первое место занимает джугара, а уже за нею следует пшеница и затем рис.⁴² Причем, по его словам, джугара распространяется быстрее и поэтому «вытесняет все прочие растения».⁴³ Если вывод Миддендорфа о преобладании культуры джугары и признать преувеличенным, то все же факт быстрого распространения этой культуры в описываемый период сам по себе представляется весьма вероятным. Миддендорф указывает, что хотя рис является любимой отраслью полеводства в Фергане, однако он разводился в недостаточном количестве, был доступен только зажиточной части населения и дорог для бедняка и поэтому, по его словам, джугара должна была «вызывать бедноту»,⁴⁴ что она вообще насыщает в Фергане бедных.⁴⁵

Дехканство Ферганы того времени, несмотря на орошение значительного количества новых земель, уже испытывало значительное мало-земелье. По указанию Миддендорфа, большинство земледельцев имело от 1/3 до 2/3 десятины⁴⁶ и находилось в кабале ростовщиков, в руки которых переходили их земли.⁴⁷

В этих условиях значительная часть дехканства действительно предпочитала более урожайную, хотя и менее питательную, джугару всякой другой культуре и отводила ей все большее место на своих парцеллах. Таким образом, распространение джугары следует рассматривать как один из показателей все большего обеднения дехканства Ферганы. Этот процесс, повидимому, усилился в последний период существования ханства в связи с ростом торговли, ростом внутреннего рынка, частичным переходом от натуральных повинностей к денежным и усилением в связи с этим эксплуатации дехканства, что вызвало многочисленные массовые восстания, характеризующие этот период.

Подтверждение этого имеется у В. Наливкина, описавшего положение оседлой бедноты в Наманганском уезде. Характеризуя пищу бедняка-дехканца, он говорит, что лепешки из джугары все более вытесняют пшеничные. Далее он добавляет: «что же касается круп, то рис положительно вытеснен джугарой и просом. Есть много людей, которые едят его каждый день в виде палау, шавли и других кушаний, но больше таких, которые едят его несколько раз в год, а еще большая часть ест его один раз в неделю. Изюм дня в день варится джугара, джугара, и джугара. Вот чем питается население страны, очевидно, богатой, так как она дает такие произведения, как рис, хлопок, шелк, виноград и пр. и вместе с тем столько же очевидно бедной, так как обитающий в ней люд оспаривает у собственной лошади право на джугару, которой обом им нехватает, и за которой весной надо идти к обязательному человеку».⁴⁸

В другой своей работе Наливкин говорит, что джугара все более становится пищей также кочевого населения уезда; но так как джугара в горах не произрастает, то киргизы вынуждены обращаться за ней в оазис, где джугара все более становится предметом их обычного спроса. Он пишет: «...киргизы на базар в это время (весной — В. Б.) ездят чуть ли не исключительно за джугарой. Зачастую по дорогам можно встретить целые караваны людей и быков, навьюченных капами с зерном — все это джугара». И далее: «Питаются в это время киргизы впроголодь... хлеб встречается только в самых достаточных домах; все остальные питаются исключительно кучей (жидкой кашней) из пшеницы и джугары, причем предпочтение всегда отдается последней».⁴⁹

Спрос кочевой бедноты на джугару, являвшуюся более дешевым продуктом, также служил причиной распространения этой культуры в Ферганской долине.

Джугара одновременно служила кормом для лошадей. Но основным концентратом для последних являлся более питательный ячмень, посевы которого однако были распространены в равнинной части долины недостаточно широко и играли более важную роль в ее высокогорных районах, где он являлся основной продовольственной культурой местного киргизского населения.

Посевы озимой пшеницы, преимущественно высеваемой на поливных землях разаса, и ячменя убирались в июне, что давало возможность производить повторные посевы. В качестве повторных культур высевались ячмень, маш, нередко просо, лен и др. Повторные посевы в мелких дехканских хозяйствах Ферганы того времени, когда хлопководство у них еще не играло доминирующей роли, практиковались, повидимому, довольно широко, что позволяло бедноте несколько полнее использовать свои трудовые ресурсы и пополнять ресурсы продовольственные.

Особое внимание Миддендорфа вызвала культура люцерны, которая из-за недостатка естественных сенокосов и пастбищ играла важную роль. Под люцерну обычно отводился лучший участок земли, который обильнее других удобрялся. Обычный срок стояния люцерны был 9—10 лет. Наибольший урожай сена получался на третьем году, а именно в среднем 300, а иногда даже до 1200 пудов с десятины. Первый год косили люцерну не более 3 раз; в последующие годы — 4-5 раз, и, кроме того, небольшой укос люцерны производился на зеленый корм осенью. В течение лета люцерна поливалась 8 раз, что вместе с хорошим удобрением обеспечивало указанные урожаи. Косилась люцерна не перезревшая, отчего и было возможно получать до 5 укосов сена и кроме того хорошую отаву для зеленой подкормки.⁵⁰

Помимо люцерны, дехкане Ферганы сеяли и скашивали в зеленом состоянии джугару или смесь из джугары и других трав, в том числе злаковых и бобовых. Миддендорф называет сою, но, возможно, это был маш. Эта смесь скашивалась и скармливалась скоту либо в зеленом виде, либо в виде сена. Урожайность и питательные свойства этой смеси были настолько велики, что, по словам дехкан, сена, скошенного с одной десятины, было достаточно для прокормления 10 волов в течение 7 осенне-зимних месяцев.⁵¹ Подобные посевы, повидимому, специально производились для крупного рогатого скота, о чем свидетельствует их название (алефи-гау), и являлись повторной культурой. Люцерна же преимущественно употреблялась на корм лошадям.

Хлопку Миддендорф в своем описании сельскохозяйственных культур отводит последнее место. По его мнению, Фергана имеет слишком северное положение и поэтому якобы не способна обеспечить условия для наивысших урожаев хлопка, так как безморозного периода здесь едва-едва хватает для его вызревания.⁵² Такое мнение у него создалось оттого, что хлопководство Ферганы в момент его посещения переживало сильный упадок. Об этом свидетельствуют приводимые им официальные данные о посевах хлопчатника в Наманганском уезде, составлявших в 1879 г. всего 8766 танапов.⁵³

Помимо климатических условий, одной из важнейших причин слабого развития хлопководства в Фергане того времени Миддендорф считал высокие цены на хлеб, вследствие чего дехканам зачастую было невыгодно сеять хлопок.⁵⁴

Причиной слабого развития хлопководства в эпоху Кокандского ханства являлись, конечно, не природные условия. Последующая история показала, что к концу XIX в. Фергана превратилась в основной хлоп-

ководческий район Средней Азии, каким она является и до настоящего времени, производя значительную часть продукции хлопка в Узбекистане и обеспечивая наивысшую урожайность хлопчатника. Причину слабого развития хлопководства в Фергане в кокандский период ее истории поэтому следует искать не в природных, а в социально-экономических условиях и прежде всего в господствовавшем в то время феодальном способе производства. Для этого последнего характерно патриархально-натуральное хозяйство, которое по самой своей природе должно было сосредоточиваться на продовольственном зерновом земледелии, предназначенном для удовлетворения непосредственных потребностей как самих дехкан, так и их эксплуататоров-феодалов, взимавших львиную долю феодальной ренты натурой в виде преимущественно зерновых продуктов. Естественно, что при подобных условиях под товарные технические культуры, подобные хлопчатнику, могла отводиться лишь незначительная часть посевной площади.

При этом меньше всего могли отводить земли под посевы хлопчатника те дехканы, которые владели наименьшими по своим размерам земельными участками, так как для обеспечения себя продовольствием они должны были большую часть своей земли, а то и всю ее, отводить под посевы продовольственных культур. В условиях господства натурального хозяйства хлопчатник могли сеять в сколько-нибудь значительном количестве только те хозяйства, которые располагали большими земельными участками. Только при подобных условиях посевы технических культур не подрывали собственную продовольственную базу дехканского хозяйства.

Именно этим прежде всего и объяснялось слабое развитие хлопководства в Ферганской долине на протяжении всей истории Кокандского ханства, когда хозяйство ее характеризовалось типично-феодальными чертами и вместе с тем отличалось преобладанием мелкого и мельчайшего землевладения. Становится также понятной причина более значительного развития хлопководства в Бухарском и Хивинском ханствах, не испытывавших такого малоземелья, как Фергана.

Что же касается последних лет существования Кокандского ханства, когда в Фергане имел место временный упадок сельского хозяйства, выражением которого прежде всего являлось повышение цен на хлеб и другие продовольственные сельскохозяйственные продукты, то в этот период хлопководство не только не могло развиваться, но должно было сократиться даже по сравнению с тем уровнем, который был достигнут в первой половине XIX в.

Для развития в Фергане хлопководства в больших масштабах были созданы условия лишь к концу XIX в., когда экономические мероприятия, проведенные в целях превращения Средней Азии в хлопковую базу для капиталистической промышленности России, обеспечили его быстрый рост и определили ярко выраженную специализацию Ферганы на хлопководстве, которая была осуществлена посредством резкого сокращения на поливных землях посевов зерновых культур. При этом немалую роль сыграла постройка железных дорог, создавшая условия для снабжения Ферганы привозным российским хлебом, а также повышение ввозных пошлин на хлопок. Однако решающая роль принадлежала системе кредитования дехкан-хлопкоробов русскими капиталистами, которая поставила преобладающую часть дехканства Ферганы в кабальную зависимость. Будучи обременены неоплатными долгами, дехканы уже по одному этому вынуждены были сеять высокотоварную культуру хлопчатник, которая

обеспечивала им возможность снова и снова обращаться к кредиту, как единственному источнику средств. Но так как дехкане-хлопкоробы получали кредит обычно через руки ряда посредников и вследствие этого ссудный процент поднимался до уровня ростовщического, то это неминуемо вело к усилению разорения беднейшего дехканства, к потере земли и к превращению в безземельных чайрикеров и мардикеров.

В свою очередь, все прогрессирующие обеднение и разорение дехканства Ферганы в колониальный период приводило к тому, что хлопчатник неумолимо вытеснял с поливных земель все остальные культуры, и хозяйство все более и более определенно приобретало черты монокультурного хлопководческого хозяйства.

Согласно данным выборочного подворного обследования 3995 хозяйств Андижанского и Скобелевского уездов Ферганской области, проведенного статистической группой Отдела земельных улучшений Министерства земледелия и государственных имуществ в 1915 г., наивысший удельный вес, равный 67,2 проц., посевы хлопчатника достигали в группе хозяйств, имевших от 2,1 до 3 танапов земли, т. е. от 0,3 до 0,5 десятины, а наименьший вес, равный 35,6 проц., посевы этой культуры имели в группе, обладавшей свыше 90 танапами, т. е. свыше 15 десятинами⁵⁵.

Малоземелье и бедность дехканской массы помогали капиталистам, заинтересованным в наибольшем производстве хлопка для русской текстильной промышленности, легко закабалить беднейшую часть дехканства и принуждать ее почти целиком переключаться на производство хлопка. Ферганская долина, в частности, была превращена в основной район хлопководства потому, что она к моменту присоединения к царской России выделялась среди других районов Средней Азии густотой своего населения и весьма значительным малоземельем основной массы дехканства.

Таким образом, те самые условия, которые в доколониальный период препятствовали развитию хлопководства в Ферганской долине, в колониальный период благоприятствовали этому развитию.

Превратив Среднюю Азию в свою колонию, русский капитализм усиленно насаждал в ней товарное производство в виде посевов хлопчатника с целью превратить ее в сырьевую базу для промышленности метрополии. В этом развитии товарного производства вообще и хлопководства в особенности сказывалось прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России.

Характерной чертой развития товарного производства в дореволюционной Средней Азии, как и в колониях вообще, являлось то, что оно не вело к перестройке сельского хозяйства на капиталистический лад, и в нем попрежнему сохраняли господствующие положения феодальные и полуфеодальные отношения. Но уже одно то, что прежнее патриархально-натуральное хозяйство сменялось в хлопковых районах простым товарным хозяйством, представляющим собой более высокий социально-экономический уклад, явилось значительным шагом вперед.

Если малоземелье служило препятствием для развития хлопководства в Ферганской долине в доколониальный период ее истории, то оно же явилось основной предпосылкой того, что там еще в этот период получило значительное развитие шелководство. Объяснение этого явления следует искать в том, что кормовой базой шелководства прежде являлись деревья туты, высаживаемые преимущественно по берегам арыков и по границам земельных участков, находившихся в индивидуальном владении дехкан. И чем более мелким и дробным явилось дехканское землевла-

кий
не
дене, тем большее количество тутовых деревьев выращивалось в данной местности. И не случайно поэтому основная масса тутовых деревьев была сосредоточена в Сохском оазисе, который является одним из наиболее древних и наиболее населенных оазисов Ферганы, отличавшимся еще в период Кокандского ханства наибольшим малоземельем. Как известно, в этом оазисе еще и в настоящее время сосредоточено более четверти всего числа тутовых деревьев Узбекистана, вследствие чего он является одним из наиболее важных производителей шелковичных коконов.

С этой исторически сложившейся густотой оросительной сети и насаждений тут, связанной с особенностями землевладения в прошлом, приходится считаться даже при проведении такого важного мероприятия, как переход на новую систему орошения. Так, постановлением Совета Министров СССР от 18 августа 1950 г. «О переходе на новую систему орошения в целях более полного использования орошаемых земель и улучшения механизации сельскохозяйственных работ», для Ферганской области Узбекистана, в которую входит Сохский оазис, а также для соседней с ним Ленинабадской области Таджикистана, в виде исключения, минимальный размер поливных участков установлен в 5 гектаров вместо 20—40 в других областях Узбекистана.

Также неравномерно было размещено в Ферганской долине садоводство и виноградарство. Преобладающая часть садов и виноградников была сосредоточена в юго-западной части долины, главным образом, в Ходжентском, Канибадамском и Исфаринском вилайетах, а отчасти также в Наманганском вилайете, причем преимущественно в предгорных районах, в то время как в других частях долины, особенно в тех местах, которые были колонизованы в основном осевшими в XVII—XIX вв. кочевниками-узбеками, кипчаками и киргизами, оно было развито слабее.

Это также объясняется отнюдь не природными условиями, так как теплый климат Ферганы гарантирует фруктовые деревья от губительных заморозков и чрезмерных зимних морозов не только в горных, но и в равнинных частях долины.

Основную роль здесь сыграло то обстоятельство, что именно западная часть Ферганской долины была освоена в земледельческом отношении раньше всего, причем преимущественно переселенцами-согдийцами, которые принесли навыки развитого садоводства и виноградарства из районов своего прежнего обитания, где, как и в Фергане, эти отрасли сосредоточивались преимущественно в предгорных районах и в нижнем поясе гор. Именно эти районы, как это в настоящее время доказано⁵⁶, явились первоначальными очагами земледельческой культуры, в которых садоводство и виноградарство являются одной из наиболее древних отраслей хозяйства, так как сами эти очаги земледелия располагаются в зоне распространения дикорастущих фруктовых деревьев, введение в культуру которых поэтому восходит еще к этим первым этапам развития земледелия.

Что же касается восточных районов Ферганской долины, то более слабое развитие в них садоводства и виноградарства объясняется прежде всего тем, что здесь основная роль в развитии земледелия принадлежала оседавшим кочевникам, которые еще долго сохраняли традиции кочевого быта, что и служило препятствием развитию этих отраслей, несовместимых с кочевым хозяйством, а поэтому и чуждых кочевникам.

Что же касается земледелия, то в последний период существования Кокандского ханства оно стало развиваться также в соседних с оазисом

кочевых районах, где прежде развито слабо. В силу того, что в них экономически выгоднее было заниматься животноводством.

Как указывалось выше, экономический упадок, характеризовавший этот период, привел к повышению цен на хлеб, что вызвало рост посевов продовольственных культур и сокращение хлопководства. Повышение цен на хлеб не могло не отразиться также на соседних кочевых районах, в которых сложилась обстановка, благоприятствующая развитию земледелия в масштабах, превосходящих прежние. Если прежде земледелием здесь занималась лишь малобедная беднота, которая продовольствовалась хлебом лишь себя, то теперь стало возможным расширить его масштабы из расчета сбыта излишков хлеба в оазисе.

На этой экономической основе часть кочевых хозяйств стала превращаться в полукочевые, в которых земледелие играло уже более важную роль. Так, в ближайшем соседстве с оазисом постепенно стала складываться промежуточная зона полукочевого хозяйства, расположенная между зоной оседлого хозяйства оазиса и зоной кочевого хозяйства, расположенной выше в горных частях Ферганской долины, откуда привозить хлеб в оазис было сравнительно далеко и поэтому не выгодно и где животноводство сохраняло ведущее положение.

Однако земледелие зоны полукочевого хозяйства, рассчитанное на сбыт излишков своих продуктов, могло развиваться лишь при условии разделения труда с земледелием оазиса. По свидетельству Миддендорфа, кочевое население, обитавшее по соседству с Ферганским оазисом, занималось преимущественно богарным земледелием, а оседлое население долины предпочитало более надежное земледелие на поливных землях, относясь к богарным посевам с недоверием и даже с презрением⁵⁷.

Полукочевое население применяло на богарных землях крайне экстенсивную переложную систему земледелия, которая как нельзя более соответствовала полукочевому быту. Оно сеяло на этих землях главным образом яровые культуры, а именно, пшеницу, ячмень и просо. Излишки зерна, в особенности пшеницы, сбывались в оазисе. При этом беднота была вынуждена зачастую продавать необходимые ей самой ресурсы пшеницы, а в конце зимы и весной покупала вместо нее более дешевую джугару. Вместе с тем здесь сеяли такие культуры, продукция которых целиком предназначалась для продажи в оазис. Так, например, в Наманганском уезде киргизы сеяли лен-кудряш и сбывали его семя на базарах области⁵⁸.

Таким образом, еще в период Кокандского ханства в Ферганской долине начала возникать зона богарного земледелия, которая служила продолжением и дополнением зоны поливного земледелия в оазисе. Однако, в силу того что поливные земли в то время продолжали в основном использоваться под посевы продовольственных зерновых культур, нужда в подсобном богарном земледелии была еще не столь велика, и поэтому богарные посевы были распространены в Ферганской долине еще сравнительно слабо. Лишь в последующий колониальный период, когда посевы хлопка стали расти, а посевы зерновых на поливных землях сокращаться, богарное земледелие начало быстро развиваться и в значительных масштабах.

В противоположность экстенсивному богарному земледелию, основанному на переложной системе, дехкане на поливных землях хотя и считали необходимым применять пары, практически уже тогда теряли возможность оставлять какую-то часть земли без использования, будучи вынуждены из-за дробности владений эксплуатировать землю непрерывно

и без всякого правильного чередования культур. Недостаток этой дехкане стремился восполнить обильным удобрением, которое, однако, не всегда было возможно из-за недостатка навоза. Навоз тщательно собирался дехканами не только в своем хозяйстве, но также по дорогам, на зимовках у кочевников-котоводов, которых они за право собирать навоз снабжали соломой; кроме того навоз покупался в городах⁶⁰. Недостаток навоза дехкане возмещали применением в широком масштабе таких заменителей удобрений, как земля старых дувалов и курганов, богатая селитрой, и уличная пыль. Кроме того они приготавливали компост, собирая в кучи навоз и всякие отбросы, в том числе фекалий, обсыпавшийся пылью, землей или мякиной. По словам Миддендорфа, в отношении применения компоста Фергана не только не отставала от Западной Европы, но и опережала ее⁶¹. Из-за постоянного собирания на удобрение уличной пыли, улицы селений Ферганы, по указанию этого автора, приобретали форму гелльвега, углубленного до 2 и более футов. На это обстоятельство исследователи обратили внимание и в других районах Средней Азии. Так, Н. Пославский, обнаруживший в конце прошлого века неожиданное для европейца хорошее санитарное состояние г. Бухары, чистоту ее улиц, конюшен и ретирад, нашел загадку этого явления в регулярном собирании на территории города всех возможных удобрений и оживленной торговле ими, составляющими профессиональное занятие обширной группы его обитателей⁶².

Данные Миддендорфа дают возможность установить, что в последний период существования Кокандского ханства произошли изменения в сторону еще большего сокращения в оседлых районах Ферганы собственного животноводства и большей зависимости их от животноводства кочевых районов.

Возможность заниматься собственным овцеводством в оазисе стала еще меньше, чем прежде. Поэтому пригон в Фергану баранов из кочевых районов усилился. По словам Миддендорфа, наблюдавшего это явление в Фергане, «В среднеазиатских оазисах культуры население почти не знает другого мяса, кроме баранины; поэтому они служат ненасытными рынками, куда стекается много тысяч овец, пригоняемых отовсюду из пустыни»⁶².

О масштабах пригона мясного скота в Ферганскую долину дает некоторое представление А. Н. Тетеревинов, работа которого также относится к этому периоду. Он указывает, что из казахских степей только в один Коканд пригонялось ежегодно около 100 тысяч баранов⁶³. Если учесть пригон из других кочевых районов, в частности, из Центрального Тянь-Шаня, служившего тогда основным источником снабжения скотом Ферганы, то вряд ли мы ошибемся, если определим общее количество пригонявшихся в нее в то время на продажу баранов в несколько сот тысяч голов в год.

Несмотря на возрастание пригона скота, кочевники по-прежнему могли снабжать оазис кондиционным мясным скотом только осенью, когда заканчивался летний пастбищный нагул скота и наступала пора его наиболее выгодной реализации. В остальную часть года, особенно зимою и весной, скот кочевников, в силу особенностей их экстенсивно-пастбищного хозяйства, находился в непригодном для убоя виде, так как сильно истощался, и поэтому прекращалась не только его реализация, но даже убой для собственных надобностей. Соответственно с этим цены на скот в оазисах, понижавшиеся осенью, резко поднимались в остальные сезоны, достигая максимума в конце зимы и начале весны. В это время в коче-

вых районах стояли самые низкие цены на скот. Этим искусно пользовались торговцы скотом, которые являлись в аулы как раз в это время и путем выдачи авансов, главным образом мануфактурой, контрактировали скот большими массами. В связи с этим летний пастбищный нагул все в больших масштабах переходил из хозяйства кочевника-производителя в руки купцов-скототорговцев, которые весной собирали по аулам дешевый истощенный скот и через посредство наемных гуртовщиков нагуливали его летом, сочетая этот процесс с перегоном скота в оазисы на базары. Используя ту же систему пастбищного нагула мясного скота, какую практиковали сами кочевники, скототорговцы получали немалые дополнительные прибыли, но не могли преодолеть разрыва между спросом на кондиционный скот и его предложением в кризисное время года.

Преодоление этого разрыва должен был взять на себя сам оазис, имевший возможность организовать зимний стойловый откорм мясного скота кормами, производимыми на своей собственной территории. Этот откорм, возникший, несомненно, очень давно, развился в довольно значительную отрасль сельского хозяйства Ферганской долины только в последний период истории Кокандского ханства. В этот период откорм мясного скота, главным образом баранов-валухов, становится предметом достаточно обширного и высокодоходного промысла. Это видно из того, что в ханстве, по сообщению Миддендорфа, существовал особый налог на продаваемый на базарах откормленный скот, так называемый бурдак-закят, причем довольно высокий⁶⁴. Промыслом этим занимались бан-ското-промышленники, которые извлекали из него значительную прибыль, даже при условии покупки всех необходимых кормов и материалов. По данным Арандаренко, чистая прибыль владельцев откормочных предприятий, так называемых бурдак-хана, достигала в Зеравшанской долине до 7 руб. с головы откормленного валуха⁶⁵. Несмотря на дороговизну кормов, эффективность откорма в Ферганской долине была немногим ниже. По данным Миддендорфа, откормленные бараны в Фергане продавались по 10—12 и даже по 20 рублей, что давало также немалую прибыль баям-скототорговцам, которые приобретали неоткормленных баранов по 2,5 рубля⁶⁶.

Таким образом, в последний период истории Кокандского ханства между кочевым животноводством и оседлым земледелием Ферганы, по внешности исключаящими друг друга, взаимная связь не только не ослабла, но, наоборот, усилилась и стала еще более разносторонней и тесной, еще более органической и жизненно-важной.

Общественное разделение труда между оседлым земледелием и кочевым животноводством, свойственное странам Востока в докапиталистический период истории, приобрело в этот период истории Ферганы еще более развитый вид, обнаружив присущие ему характерные черты необычайно ярко. Это обстоятельство заставило Миддендорфа, несмотря на обычное для буржуазного ученого предубеждение против якобы «дикого» кочевого хозяйства, прийти к выводу, что «скотоводство кочевников должно быть рассматриваемо как отдельная от земледелия Ферганы часть сельского хозяйства этой долины»⁶⁷.

Это разделение труда являлось одним из немаловажных факторов, который способствовал развитию сельского хозяйства Ферганской долины и вместе с тем определял его характерные черты и специфические особенности земледелия и животноводства как в самом оазисе, так и на его периферии.

Примечания:

1. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1947, стр. 73.
2. В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, стр. 21 и 19.
3. Захариаддин Бабури, Бабури-наме, Пер. М. Сазы, Ташкент, 1948, стр. 10.
4. В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 75.
5. Там же, стр. 101.
6. А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Намангано-Алая, 1952, стр. 264.
7. А. Ю. Якубовский, Рецензия на книгу Б. Г. Гафурова, «История таджикского народа», «Вопросы истории», 1950 г., № 7.
8. В. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, стр. 30.
9. Там же, стр. 31.
10. Бабури-наме, стр. 10.
11. А. Ф. Миддендорф, Очерки Ферганской долины, СПб., 1882, стр. 173.
12. Статистический обзор Ферганской области за 1905 г., стр. 12.
13. Ежегодник Ферганской области за 1903 г.
14. А. Ф. Миддендорф, Цит. соч., стр. 180; см. также приложение IV.
15. Там же, стр. 178—180.
16. Там же, стр. 211.
17. Там же, стр. 200.
18. Там же, стр. 185.
19. Там же, стр. 180.
20. В. Наливкин, Цит. соч., стр. 29.
21. А. Ф. Миддендорф, Цит. соч., стр. 169.
22. История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 146.
23. Хозяйство сартов Ферганской области, Ташкент, 1911, стр. 14.
24. А. Ф. Миддендорф, Цит. соч., стр. 342.
25. В. Наливкин, Киргизы Наманганского уезда, «Туркестанские ведомости» №№ 20 и 21 за 1881 год.
26. Я. Ханыков, Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г., «Вестник ИРГО» за 1851 г.
27. Ф. Назаров, Записки о некоторых народах и землях средней части Азии, СПб., 1821, стр. 74.
28. Там же, стр. 70—71.
29. Записки о Кокандском ханстве хоруинжего Потанина (1830 г.), «Вестник ИРГО», 1856, часть XVIII, 2.
30. А. Мокшеев, Показание сибирских казаков Милотина и Батырышкина, бывших в плену у кокандцев с 1849 по 1852 гг., «Вестник ИРГО» за 1856 г., ч. XVII, 1.
31. Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии, «Записки РГО», книга III, 1849.
32. В. Вельяминов-Зернов, Сведения о Кокандском ханстве, «Вестник ИРГО», за 1856 г., ч. XVIII.
33. В. Ф. Губаревич-Радобильский, Значение Туркестана в торговле с заграничными странами Азии, стр. 7.
34. В. И. Юфев, Хлопководство в Туркестане, Л., 1925, стр. 15.
35. В. Ф. Губаревич-Радобильский, Цит. работа, стр. 6.
36. В. В. Бартольд, Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских, «Хлопковое дело», 1924, №№ 11—12.
37. В. И. Юфев, Цит. соч., стр. 19.
38. Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии, «Записки РГО», книга III, 1849 г.
39. Красовский, Область сибирских киргизов, часть II, СПб., 1868, стр. 87.
40. В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о касимовских царях и царевичах, часть вторая, 1864, стр. 167.
41. М. П. Вяткин, Путевые записки лекаря Зибберштейна, «Исторический архив», I, 1936.
42. А. Ф. Миддендорф, Цит. соч., стр. 261.
43. Там же, стр. 235.
44. Там же, стр. 243.
45. Там же, стр. 242.
46. Там же стр. 218—219.
47. Там же, стр. 461.
48. В. Наливкин, Очерки земледелия в Наманганском уезде, «Туркестанские ведомости» за 1880 г., № 11—29.

49. В. Нативкин, Киргизы Наманганского уезда. «Туркестанские ведомости», за 1881 г., №№ 20—21.
50. А. Ф. Миддендорф, Цит. соч., стр. 255—256.
51. Там же, стр. 243.
52. Там же, стр. 253.
53. Там же, стр. 252.
54. Там же, стр. 252.
55. Введение к таблицам исследования сартовского хозяйства Ферганской области 1915 г., Рукопись.
56. В. Ф. Гайдукевич, К истории древнего орошения в Средней Азии. «Вестник древней истории», 1948 г., № 3; Г. В. Ковалевский, Культурно-историческая и биологическая роль горных районов, «Природа», 1931 г., № 2.
57. А. Ф. Миддендорф, Цит. соч., стр. 218, 221 и 341.
58. Там же, стр. 246.
59. Там же, стр. 150.
60. Там же, стр. 160.
61. И. Пославский, Город Бухара, Ташкент, 1891, стр. 66—67.
62. Миддендорф, Цит. соч., стр. 295.
63. А. И. Тетеревников, Очерк внутренней торговли киргизской степи, СПб., 1867, стр. 51.
64. А. Ф. Миддендорф, Цит. соч., стр. 293.
65. Г. А. Арандаренко, Досуги в Туркестане 1874—1889 гг., СПб., 1899, стр. 98—103.
66. А. Ф. Миддендорф, Цит. соч., стр. 153.
67. А. Ф. Миддендорф, Цит. соч., стр. 422.
-